

doi: 10.17976/jpps/2018.02.06

НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМ: КЛАССИФИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНЦЕПТНЫХ НАТЯЖЕК¹

К.В. Мельников

МЕЛЬНИКОВ Кирилл Вадимович, аспирант Института философии и права УрО РАН. Для связи с автором: melnikovrezh@gmail.com

Мельников К.В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек. – Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 68-81. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.06>

Статья поступила в редакцию: 06.03.2017. Принята к печати: 14.06.2017

Аннотация. Сформировавшаяся как ответ на неочевидность основных предположений и концептуальную растянутость парадигмы транзита, набирающая популярность концепция неопатримониализма сама стала порождать существенные концептуальные натяжки в анализе государств, политическое развитие которых контрастирует с западными демократическими паттернами. Рассматриваемые как неопатримониальные, государства Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Средней Азии и Восточной Европы существенно разнятся по внушительному объему параметров: по принципам функционирования бюрократии, по степени политической конкуренции, по роли и глубине распространения клиентарно-патронажных сетей, непотизма и иных неформальных практик. Поэтому, говоря о неопатримониализме, исследователи каждый раз концентрируются на разном наборе характеристик. Внушительный объем исследований, проведенных через призму неопатримониализма, расширяет его концептуальные рамки вплоть до существенной путаницы. Следуя теории концептных натяжек Д. Сартори, автор утверждает, что в сравнительных исследованиях неопатримониализма нарушаются правила восхождения по лестнице абстракции. На фоне большого числа эмпирических исследований, проводимых в русле неопатримониальной парадигмы, работы по осмыслению неопатримониальной концепции как таковой составляют ничтожно малый процент, и эта ситуация требует изменений. Неразборчивое и некритическое применение неопатримониальной парадигмы может быть преодолено через более полноценную концептуализацию понятия “неопатримониализм”. Одна из основных задач на этом пути – классификация неопатримониальных режимов. Автором анализируются существующие подходы к подобным классификациям, обосновывается необходимость разделения неопатримониальных режимов на регулируемые и хищнические формы, критически рассматриваются концепты, формирующиеся в смежных областях политических исследований, на предмет их способности обогатить предложенную классификацию неопатримониальных режимов. Идея хищнических форм неопатримониализма обогащается достижениями исследований феномена “государства-хищника” (*predatory state*). Для исследования регулируемых форм неопатримониализма потенциально плодотворной может оказаться неинституциональная дилемма обеспечения надежных гарантий прав собственности. Такой подход к классификации неопатримониальных режимов открывает значительные перспективы к дальнейшей операционализации и концептуализации неопатримониализма.

¹ Автор выражает благодарность своему научному руководителю Ярославу Юрьевичу Старцеву за бесценные комментарии на всех этапах работы над этой статьей.

Ключевые слова: неопатримониализм; патримониальное господство; государство-хищник; регулируемый неопатримониализм; проблема надежных гарантий; политический режим; политические институты; концептные натяжки.

Концепция неопатримониализма, развивающаяся в политической науке уже без малого четыре десятилетия, получила широкое распространение в исследованиях политических режимов Африки [Bratton, Van de Walle 1997], Латинской Америки [Roett 1999; Durazo Herrmann 2010], Юго-Восточной Азии [Crouch 1979]. Новый виток интереса к этой концепции связан с распадом Советского Союза и политическим развитием государств на этом пространстве.

В противовес транзитологической парадигме концепция неопатримониализма не рассматривает политическое развитие государств, освободившихся от колониального правления, милитаризованных, коммунистических режимов, как заданное движение от авторитарных практик к демократии, гражданскому обществу и правовому государству. Согласно положениям ключевой работы Ш. Эйзенштадта [Eisenstadt 1973], становление политических институтов в таких государствах происходит в рамках специфичного синтеза традиционного и современного.

Неопатримониализм подразумевает соединение в рамках политической системы двух типов политического господства по М. Веберу: рационально-легального и патримониального. Важно учитывать, что каждый тип доминирования можно рассматривать как систему институтов, практик, поведенческих паттернов и культурных установок. В определении и дальнейшем развитии темы мы сконцентрируемся на институциональном уровне господства. Исходя из этих посылок, *неопатримониальным называется такой тип доминирования, в рамках которого политико-административная система строится формально на рационально-легальных основаниях (современных институтах и правилах продвижения по службе, распределения благ и т.д.), однако логика ее функционирования диктуется неформальными институтами (непотизмом, клиентарно-патронажными сетями, трайбализмом и т.д.), в результате чего общественные полномочия апроприруются и рассматриваются политическими агентами как частная собственность.*

Сущностная критика основных положений парадигмы транзита [Carothers 2002] и ее расхождение с практикой сместили акцент в рассмотрении динамики политических режимов государств третьего мира в пользу неопатримониальной интерпретации.

Однако все более широкое использование концепции неопатримониализма вызывает у целого ряда исследователей опасения, связанные с утратой ей своего исследовательского потенциала. В отношении концепции неопатримониализма в исследовательской литературе накопился такой объем критики, что она сама по себе требует систематизации.

КОНЦЕПТНЫЕ НАТЯЖКИ В АНАЛИЗЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМА

Среди исследований последнего десятилетия, целью которых являлось осмысление широкого пласта литературы, в которой концепция неопатримониализма применялась для анализа конкретных случаев, следует выделить работы Джиро Эрдмана и Ульфа Энгеля, Даниэля Баха, Кристиана фон Зоста, а также Александра Фисуна и Михаила Ильина. Практически каждый из них отмечает неразборчивое применение концепции к конкретным эмпирическим исследованиям, за счет чего концепт теряет свою аналитическую ценность. Поэтому

феномен неопатримониализма получил от исследователей такие “тителы”, как “неуловимое понятие” (*elusive concept*) [Erdmann, Engel 2007], “всеобъемлющий концепт” (*catch-all concept*) [ibidem], “слово-жужжалка” (*buzz-word*) [Iyin 2015].

Действительно, в категорию неопатримониальных попадают настолько разные политические режимы, что найти в них общие черты гораздо сложнее, чем различные. Так, в качестве неопатримониальных рассматривались политико-административные системы Кот-д’Ивуара при Феликсе Уфуэ-Буаши [Crook 1989], Кении при Джомо Кениата [Bourmaud 1991], Заира при Сесе Секо Мобуту [Young, Turner 1985], ЦАР при Жане Беделе Бокассе [Bigo 1988], современной Мексики [Durazo Herrmann 2010], Индонезии при Сухарто [Liddle 1991], Румынии при Чаушеску [Linden 1986]. С помощью неопатримониальной интерпретации рассматриваются постсоветские государства [Фисун 2007; Гельман 2015], в том числе непризнанные (отметим работу Джэфри Оуэна по Приднестровью [Owen 2009]).

Эти политии различаются и по размаху коррупционных практик, и по принципам функционирования бюрократии, по кооптации / отчуждению элементов периферии (по Эйзенштадту), по смыслу функционирования и даже по наличию ключевых институтов современности (например, парламент в Центральноафриканской Республике при Бокассе отсутствовал даже как фасад). Одни из этих политий смогли укрепить государственные институты и продемонстрировать рост экономики, другие не только деградировали экономически, но и приблизились к тому, что в современной политологии получило название несостоявшегося государства (*failed state*). Все это можно сказать, даже ограничиваясь кругом исследований политического развития африканских государств. Как неопатримониальные в исследованиях Африки рассматривались без малого 40 государств.

Однако, как мы уже отметили, каждый из этих примеров чрезвычайно различается по внушительному объему параметров. В этой связи примечательны слова профессора Лондонской школы экономики Тандики Мкандоер: “Государство – это самый демонизированный институт в Африке. Его поносят за его слабость, чрезмерное расширение, взаимозависимость с рынками, репрессивный характер, зависимость от иностранных властей, за его всеобщность и за его отсутствие” [Mkandawire 2001: 289].

Именно поэтому невозможно не согласиться с диагнозом, который ставит современным исследованиям неопатримониализма М. Ильин: “к настоящему времени термины ‘патримониализм’ и ‘неопатримониализм’ чрезмерно растянуты и с точки зрения продолжающегося расширения концептуального поля, и с точки зрения сдвига семантического фокуса на определенные атрибуты соответствующего феномена” [Iyin 2015: 30]. Поэтому каждое новое применение термина “неопатримониализм” к странам, режимам и отдельным практикам, по сути, рождает его заново, акцентируется на совершенно разном наборе характеристик, что вносит существенный вклад в растяжение концепта до всеобъемлющего, неуловимого и малопродуктивного.

На наш взгляд, вся суть критики к концепции неопатримониализма может быть проанализирована через явление, которое в компаративистике было замечено еще в 1970-е годы Джованни Сартори и названо им “концептной натяжкой”. Концептуальное растяжение, или концептные натяжки, по Сартори – это методологическое явление, при котором расширение исследовательского поля происходит без существенной переработки и адаптации к новым объектам методологического инструментария.

Методологически концептные натяжки — это результат нарушения правил восхождения по лестнице абстракции. Правила эти довольно просты. Если мы хотим охватить с помощью концепта большее число объектов исследования, то должны сделать его более абстрактным, сократив количество входящих в него свойств и атрибутов. И наоборот, мы конкретизируем концепт через добавление или развертывание характеристик, свойств и атрибутов. В этом случае речь идет о спуске по лестнице абстракции и стремлении наиболее точно описать меньшее количество объектов.

Таким образом, правильный путь восхождения по лестнице абстракции подразумевает расширение объема концепта при урезании его смысла. Процедура концептной натяжки же “сводится к попытке обосновать расширение понятия без ужимания его смыслового наполнения: объем понятия возрастает за счет размывания содержания” [Сартори 2003b: 153].

Очевидно, что расширение объема исследований в рамках неопатримониальной интерпретации не могло не сказаться на ее содержании. По всей видимости, то, в чем обвинялась парадигма транзита, постигло и концепцию неопатримониализма — все больше ее применение порождает концептные натяжки. Решение проблемы концептных натяжек для концепции неопатримониализма — предмет комплексного исследования. Эта задача подразумевает более полную концептуализацию и операционализацию исследуемого понятия. В свою очередь это требует более глубокой проработки понятия неопатримониализма (в том числе консенсуса относительно приставки “нео”, а также относительно связи с базовым веберовским понятием патримониализма), перевода понятия в четкие операнты, выявления индикаторов, по которым можно измерить патримониальные черты политической системы, оценку связей понятия с такими феноменами, как непотизм, клиентелизм и т.д. В этом исследовании мы сконцентрируемся только на одном аспекте разрешения концептуальных натяжек в концепции неопатримониализма — на проблеме классификации неопатримониальных режимов. Процедура классификации, по мысли Сартори, “по-прежнему представляет собой главный инструмент внесения аналитической ясности во все, что бы мы ни обсуждали” [Сартори 2003а: 71]. Решение этой проблемы позволит сделать уверенный шаг к дальнейшей операционализации неопатримониализма.

ВАРИАНТЫ КЛАССИФИКАЦИЙ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ

В отношении самого определения неопатримониализма в исследовательской литературе сложилось взаимопонимание [Мельников 2016]: в наиболее значимых работах неопатримониализм понимается как тип доминирования, при котором политико-административная система формально строится на рационально-легальных основаниях, но логика ее функционирования задается отношениями неформального патримониального типа. Однако на этом консенсус заканчивается [Von Soest 2010: 2].

Можно сказать, что у концепции неопатримониализма соблюдено требование позитивной идентификации на высшем уровне абстракции [Сартори 2003b: 154]. Исходя из этого, уже можно спускаться вниз по лестнице абстракции и аналитически разводить те совершенно различные явления, которые из-за неразборчивого применения концепции неопатримониализма описываются одним и тем же словом.

Применительно к неопатримониализму одна из наиболее значимых попыток в этом направлении принадлежит, на наш взгляд, Даниэлю Баху. Им было пред-

ложено различать *регулируемые (regulated neopatrimonialism)* и *хищнические (predatory neopatrimonialism)* формы неопатримониализма. Основанием для разделения служат способ и интенсивность регулирования патримониальных практик.

Распределение ресурсов в *регулируемой форме неопатримониализма* нацелено на взаимное приспособление различных групп интересов (в Африке — прежде всего этнических групп). Наиболее ярким примером такого варианта неопатримониализма, по мнению Баха, выступают режимы Джомо Кениата (1964-1978) в Кении и Феликса Уфуэ-Буаньи (1960-1993) в Кот-д’Ивуаре. По словам Даниэля Бурмо, “в кенийской бюрократии безличные правила сосуществовали с неопатримониальными практиками для того, чтобы смягчить риски политической конкуренции, опасные для национального государства” [цит. по: Vach 2011: 278]. Действительно, первые годы президентства Джомо Кениата ознаменовались борьбой двух этнополитических групп: КАНУ (Национальный союз африканцев Кении) и КАДУ (Демократический союз африканцев Кении). Первая организация, лидером которой и был Кениата, опиралась на племена кикуйу и луо, в то время как КАДУ в основном состояла из других крупных племенных образований — календжин, лухья, миджикенда. Этнический раскол Кении был характерен и для колониального периода. Восстание “мау-мау” 1952-1956 гг., ставшее кульминацией антиколониальной борьбы, превратилось по сути в гражданскую (межплеменную) войну, в которой одни племена поддерживали британцев, а другие отстаивали независимость. Поэтому создание кенийской государственности было сопряжено с поиском компромиссов между различными группами интересов, и реализацией принципа “рационального клиентелизма” [ibidem]. Проблема распределения ресурсов в Кении была ключевой для сохранения государства и предотвращения гражданской войны. Прежде всего, речь идет о конфликтах, связанных с неравномерным распределением сельскохозяйственных ресурсов (пастбища, земля, вода, скот), которые имеют место и по сей день.

Неопатримониальная система Кениата, завязанная на перераспределении ресурсов и обширном применении клиентарно-патронажных сетей, своей целью имела примирение разрозненных этнополитических групп и в целом способствовала успешному формированию государственных институтов в первые годы постколониального правления.

Совсем к иным результатам приводят и совсем по иным принципам функционируют *хищнические формы неопатримониализма*, яркими примерами которых являются режимы Сесе Соко Мобуту (1965-1997) в Заире и Жана Беделя Бокассы (1966-1979) в Центральноафриканской республике.

Надо сказать, что *концепт “государства-хищника” (predatory state)* развивается в политической науке отдельно и берет свое начало с 1970-х годов. Более того, делаются попытки аналитически разделить концепт неопатримониализма и идею “государства-хищника”. Тем не менее, на наш взгляд, исследователи, говоря о хищнической форме неопатримониализма и о “государстве-хищнике”, говорят об одном и том же. Во-первых, приводятся одни и те же эмпирические примеры (Заир при Мобуту, Зимбабве при Мугабе). Во-вторых, в качестве отправной теоретической точки используют один и тот же идеальный веберовский тип — султанизм. Поэтому разделять стоит именно регулируемые и хищнические формы патримониализма. Выявляя черты последнего, вполне можно опираться на достижения исследований концепта “государство-хищник”.

Алекс Бавистер Гоулд выделяет следующие сущностные черты “государства-хищника” [Bavister-Gould 2011: 1].

— Высокая степень концентрации политической власти в единоличном правлении, осуществляемом посредством узкой “хищной коалиции”. При этом “государство-хищник” критически зависит от кооптации отдельных личностей и организаций (в особенности, силовых и секретных служб). Часто судьба самого диктатора крайне зависит от коалиции, которая его окружает.

— Власть используется для контроля над экономическими ресурсами, сопровождающегося широкими полномочиями в их использовании и распределении. При этом налицо неспособность таких режимов использовать экономические ресурсы для какой бы то ни было заметной долгосрочной цели развития.

— Легитимация “хищнического правления” основана не столько на традиции или идеологии, сколько на страхе и перспективе вознаграждения, попадания в сети клиентарно-патронажного обмена.

Ярким примером государства-хищника предстает Заир при Сесе Соко Мобуту (1965-1997). Одним из первых его действий на посту президента Заира (до 1971 г. — Демократической Республики Конго) стала централизация финансовых потоков. Мобуту лишил Министерство финансов полномочий по исполнению статей, составлявших около трети национального бюджета, поставив их под свой личный контроль. Национализировав крупнейшие добывающие предприятия, Мобуту реорганизовал систему экспорта государственной медной корпорации *Gecamines*. Экспортные поставки осуществлялись через подконтрольные президенту структуры, в которых оседала четверть доходов компании [Wedeman 1997: 462].

Кроме того, ежегодно Банк Заира переводил от 50 до 70 млн долл. на частные счета Мобуту и его окружения. Президент Заира выводил серьезные средства и из *Banque du Kinshasa*, где был крупнейшим акционером.

По итогам программы национализации земли Мобуту стал одним из крупнейших владельцев плантаций. Наблюдатели отмечают экстравагантные методы, которые он использовал в целях контрабанды продукции подконтрольных ему фирм. Так, Андрэ Вейдеман, профессор Университета Линкольн-Небраска, отмечал, что Мобуту использовал самолеты заирских ВВС для того, чтобы вывозить напрямую в Европу кофе и кобальт, не неся налоговых и таможенных издержек [ibidem].

К каким результатам приводит хищническая форма неопатримониализма? В отличие от регулируемого неопатримониализма, который вполне сочетается со строительством государственных институтов и может уберечь государство от серьезных расколов, хищнический неопатримониализм, как правило, демонстрирует противоположные результаты. На примере Заира можно увидеть, как одно из самых богатых с точки зрения природных ресурсов государство Африки стремительно деградировало экономически и политически. Масштабное изъятие валютных резервов привело в 1989 г. Заир к дефолту. В начале 1990-х годов постоянное изъятие выручки *Gecamines* и падение цен на медь, являвшуюся главной экспортной статьей Заира, привело к остановке большей части добывающих предприятий страны. Экономика Заира продемонстрировала редкое в своей стремительности падение. С 1991 по 1995 гг. национальный ВВП сократился в два раза — с 9,1 млрд долл. до 4,6 млрд долл. [ibid.: 465]. Нарастающая политическая и социальная напряженность в итоге вылились в гражданскую войну и бегство Мобуту в Того. Схожим образом события развивались и в других

государствах-хищниках: Сьерра-Леоне (военный переворот и гражданская война), Центральноафриканской республике (свержение Бокассы, экономический кризис, череда переворотов), Уганде (свержение Иди Амина, интервенция).

Таким образом, очевидна аналитическая необходимость разделения регулируемых и хищнических форм неопатримониализма. Они разнятся по объемам и глубине патримониальных практик, по совместимости с процессами строительства национального государства, по результатам.

Концепция регулируемого неопатримониализма может быть успешно применена в анализе государств различных регионов мира, не только Африки. Имеющей потенциал видится возможность обогащения концепта регулируемого неопатримониализма в отношении Юго-Восточной Азии идеей **формы обеспечения надежных гарантий**, предложенной Вадимом Волковым.

Проблема надежных гарантий формулируется как поиск модели взаимодействия государства и бизнеса, при которой, с одной стороны, силовой ресурс государства обеспечивает безопасность активов и долгосрочных вложений, и с другой стороны, государство не злоупотребляет этим ресурсом для перераспределения ресурсов в одностороннем порядке в свою пользу.

В рамках исторического институционализма формулируется два варианта решения проблемы надежных гарантий. Первый – глубоко исследованный и часто воспринимаемый как единственно возможный. Условно его можно назвать западным или либерально-демократическим. Его корни исследователи видят в Славной революции 1688 г. в Англии и принятии “Билля о правах” [North, Weingast 1989]. Гарантии прав собственности в этом варианте обеспечиваются за счет системы разделения властей и перекрестного вето. Однако экономический рост стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки при отсутствии в них демократии сформировал интерес к персонифицированным неформальным отношениям и социальным сетям, которые, по всей видимости, тоже обеспечили на должном уровне гарантии прав собственности, иначе бы рынки этих государств не демонстрировали такого роста. Такой путь рассматривается как альтернативный тому, что мы назвали западным. Ярким примером второго пути является пример Южной Кореи времен военного режима Пак Чон Хи (1962-1978). В тот период в Южной Корее “программами модернизации и импортозамещения управлял узкий круг правительственных чиновников и владельцев крупных промышленных конгломератов (чеболей). Военная верхушка предоставляла значительные капитальные ресурсы или гарантии по кредитам для частного сектора и гарантировала права собственности владельцам конгломератов в обмен на ренту в виде взносов в фонд правящей партии и платежей коррупционного характера. Военно-политическая и экономическая элиты страны были связаны личными, в том числе родственными отношениями, которые функционировали как источник доверия и ограничители произвола” [Волков 2011: 8]. По сути, сформировалась модель, которую Дэвид Канг назвал моделью “взаимных заложников” [Kang 2002], когда от собственников требовалось выполнять инвестиционные обязательства и не отклоняться от пятилетних планов развития, а также не выводить средства за границу, в то время как военные не могли прямо конфисковать активы и резко взвинтить налоги, поскольку концентрация собственности была столь большой, что вмешательство военных могло бы нанести существенный вред всей экономике страны.

Второй вариант решения проблемы надежных гарантий вписывается в идею регулируемого неопатримониализма, поясняя, с одной стороны, как

происходит взаимодействие политических и экономических элит в таком типе государств, и как им удается достигнуть экономических успехов — с другой стороны. Неслучайно в литературе встречается еще один аналог термина “регулируемый неопатримониализм” — эволюционный неопатримониализм (*developmental neopatrimonialism*) [Kelsall et al. 2010], модельными случаями которого служат Южная Корея, Сингапур, Мексика, Бразилия.

Что же касается хищнического неопатримониализма, то неоинституциональная дилемма надежных гарантий прав собственности здесь вообще не стоит: все крупные активы захватываются членами узкого круга семьи президента и даже переписываются лично на него. Крупный, средний и малый бизнес живут в условиях постоянной опасности экспроприации или систематических поборов со стороны чиновников разного ранга. Вмешательства от политической элиты здесь ждать невозможно, если только эти поборы не пересекаются с ее собственным корыстным интересом.

Итак, для решения задачи классификации неопатримониальных режимов нам кажется значимой идея разделения неопатримониализма на регулируемые (*neopatrimonialism within state*) и хищнические (*neopatrimonialism of the entire state*) формы. Какие еще предпринимались попытки классификации неопатримониальных режимов?

М. Ильин предлагает обратиться к веберовским чистым типам политического господства и классифицировать неопатримониализм по его склонности к рационально-легальным или харизматическим формам доминирования. В зависимости от типа ресурсов, на который опирается правитель (патрон), М. Ильин предлагает различать *явный неопатримониализм*, *харизматический неопатримониализм* и *рационализированный неопатримониализм*. Первый тип опирается на проверенные временем структурные шаблоны власти и подчинения, второй — на объединяющую миссию, третий — на рациональный просчет издержек [Ilyin 2015: 41-42].

Подход к классификации неопатримониализма в зависимости от приближения к иным веберовским типам политического господства может оказаться плодотворным, поскольку сам Вебер неоднократно повторял, что чистых типов в реальности не существует, они необходимы для выявления сущностных черт. В действительности же имеют место вариации и смешения одних типов с другими. С другой стороны, такой подход к классификации неопатримониализма оставляет открытым вопрос, что остается патримониального в рационализированном и харизматическом неопатримониализме. Более того, он противоречит одному из основных предположений Гюнтера Рота: патримониальное господство в корне отличается от харизматического тем, что патримониальному господину не требуется ни харизма, ни чувство миссии, его власть обусловлена традицией. Поэтому термин “харизматический неопатримониализм” требует дополнительных объяснений. Что же касается “рационализированного неопатримониализма”, то в нем присутствует тавтология, поскольку сам неопатримониализм подразумевает присутствие рационально-легальных институтов. Таким образом, подобный подход требует разрешения данных теоретических противоречий.

Методологически интересный подход к классификации неопатримониальных режимов предлагает Кристиан фон Зост [Von Soest 2010: 14]. В основе выделения им подтипов концепта лежит матрица, сформированная из двух измерений: способ концентрации власти и степень распространения патримониальных практик (см. табл.).

Матрица неопатримониальных подтипов (по К. вон Соесту)

Neopatrimonial Subtypes by C. Von Soest

Способ концентрации власти	Степень распространения патримониальных практик		
	Высокая	Средняя	Низкая
Персонализированный			
Олигархический			

Стоит признать, что это лишь набросок классификации, исследователь не проясняет, что концептуально следует понимать под предложенными им критериями, в частности, остается непроясненным термин “олигархический неопатримониализм”. Отдельно стоит поставить вопрос об оценке степени распространения патримониальных практик: на основе каких критериев ее можно оценить как высокую, среднюю и низкую. Более того, ячейки, полученные на пересечении измерений, оставлены автором пустыми. Таким образом, собственно теоретические типы неопатримониализма и эмпирические примеры – вопрос для предложенной классификации по-прежнему открытый.

Однако сам подход, в основе которого, по сути, лежат два уровня политико-административной системы, кажется одним из наиболее перспективных с точки зрения выявления индикаторов и последующей классификации неопатримониальных режимов.

Свою типологию неопатримониальных режимов, применительно к постсоветским государствам, предлагает Александр Фисун. Он выделяет *султанистский, олигархический и бюрократический неопатримониализм*. Представления о султанистском неопатримониализме ведут свое начало от идей М. Вебера о том, что султанизм есть крайняя форма патримониализма. Султанистским Вебер называет “патримониальное господство, по способу управления движущееся в сфере, не связанного традицией произвола” [Вебер 2016: 270]. О неопатримониальной интерпретации о султанистском типе можно говорить, если “глава государства устанавливает персоналистский контроль над политикой и бизнесом с помощью как полутрадиционных, так и современных стимулов и вознаграждений” [Фисун 2007: 19]. Крайняя степень концентрации личной власти выражается в фасадном характере выборов и в ее пожизненном или наследственном характере. Примерами здесь являются Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан. Олигархический тип устанавливается там, где произошел захват государства рентоориентированными экономическими игроками. Модельными случаями здесь являются Украина при Л. Кучме и Россия при Б. Ельцине. В последнем случае захват государства рентоориентированными игроками выразился в проведении залоговых аукционов, а также масштабной финансовой поддержке кандидатуры Б. Ельцина на президентских выборах 1996 г. и последующем получении крупными собственниками высших правительственных постов (Борисом Березовским – зам. секретаря Совета Безопасности РФ, Владимиром Потаниным – первого зам. председателя правительства), контроле СМИ и попытках приватизации государственных компаний (случай “Связьинвеста”). При олигархическом неопатримониализме рентоориентированные акторы преследуют цель снизить роль главы государства как доминирующего элемента неопатримониальной вертикали.

Бюрократический неопатримониализм вырастает как ответная реакция бюрократии на укрепление олигархического неопатримониализма. Эта ответная

реакция принимает вид “силовой рационализации”, при которой происходит “экспроприация ресурсной базы независимых экономических игроков, устранение их значимого политического влияния и в конечном итоге упадок роли парламента и политических партий” [там же: 20]. Осуществляется централизация неопатримониального господства, ключевая роль в функционировании клиентарно-патронажной сети закрепляется за президентом, иные центры власти либо ликвидируются, либо включаются в клиентарно-патронажную сеть уже на правах клиентов. Значительную роль начинают играть военные структуры и спецслужбы. Модельными случаями здесь служат Беларусь, Россия при В. Путине.

Схема, предложенная А. Фисуном, видится как удачная для решения задачи классификации неопатримониальных режимов. Она может быть использована не только для интерпретации политики в постсоветских государствах, но также и в исследованиях других регионов. Практически незаметной в литературе по неопатримониализму остается идея олигархического неопатримониализма.

Подводя итог анализу классификаций неопатримониальных режимов, отметим, что, на наш взгляд, наиболее удачные классификационные модели представлены А. Фисуном и Д. Бахом. Они ярко демонстрируют отличия неопатримониальных режимов и открывают большие перспективы к дальнейшей операционализации и концептуализации неопатримониализма.

ВЫВОДЫ

Предложенное аналитическое разделение неопатримониальных форм позволяет сделать несколько важных выводов.

Во-первых, разделение на регулируемые и хищнические формы неопатримониализма приводит к выводу о том, что результаты развития таких режимов не predetermined. Если в одних государствах сочетание патримониальных и рационально-легальных практик приводит к политическому кризису, гражданской войне, интервенции, дефолту, то в других, наоборот, оказывается необходимым условием для устойчивого экономического роста, модернизации, сохранения государства после революционных изменений, строительства институтов национального государства. Само выявление такой формы политико-административной системы, как регулируемый неопатримониализм бросает вызов достаточно устойчивому мнению о том, что неопатримониализм есть по сути синоним архаичности и антисовременности.

Во-вторых, аналитическое разделение хищнических и регулируемых форм неопатримониализма позволяет исследователям интегрировать в его изучение концепты, которым ранее не уделялось внимание при оценке такого рода режимов. Так, продвижение концепта «государства-хищника» может обогатить наше знание о том, как функционируют хищнические формы неопатримониализма, например, в части зависимости правителя от ближайшего окружения, механизмов принуждения, кооптации, сплочения в рамках элит в таких государствах. В концепте “государства-хищника” эти вопросы являются осевыми, тогда как для исследований неопатримониализма они до сих пор остаются в тени. В отношении регулируемых форм неопатримониализма плодотворной, например, представляется неоинституциональная дилемма обеспечения надежных гарантий прав собственности. Именно эта теория может объяснить, как государствам, в которых отсутствуют устойчивые парламентские институты, независимая судебная система, институты гражданского общества (независимые СМИ и некоммерческие организации), удастся все же

обеспечить устойчивость и высокую степень гарантий прав собственности, опираясь при этом на патримониальные практики.

В-третьих, предложенная классификация форм неопатримониального господства представляет собой два крайних полюса, в рамках которых возможна градация форм и типов. Выявление таких типов может сделать существенный вклад в дальнейшую концептуализацию неопатримониальной парадигмы и более точно описывать структуру неопатримониальных режимов и динамику их развития.

И, наконец, четвертое. Подобная градация, безусловно, может быть построена на основе выявления качественных характеристик. Однако, следуя мысли Д. Сартори, скажем, что количественная оценка является самым подходящим инструментом исследователя-компаративиста, ставящего перед собой задачу концептуализации той или иной парадигмы. Поэтому принципиально перспективной для концепции неопатримониализма нам представляется задача выявления индикаторов, по которым можно оценить приближение неопатримониальных режимов к тому или другому из выявленных полюсов.

Вокруг этих перспектив, вероятно, должна строиться интеллектуальная повестка исследований неопатримониализма. Успешное продвижение в этом направлении позволит справиться с неразборчивым, всеобъемлющим применением концепта в сравнительных политологических исследованиях и по-настоящему новаторски анализировать развитие государств, контрастирующих с паттернами развития западных демократий.

Вебер М. 2016. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. В 4 т. Т. 1. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 445 с.

Волков В. 2011. Проблема надежных гарантий прав собственности и российский вариант вертикальной политической интеграции. — *Вопросы экономики*. № 8. С. 4-27.

Гельман В. 2015. *Модернизация, институты и “порочный круг” постсоветского неопатримониализма*. СПб.: Изд-во Европейского университета в г. Санкт-Петербурге. 44 с.

Мельников К.В. 2016. Оценка трансформации подходов к определению неопатримониализма. — *Вопросы управления*. №. 6. С. 13-22.

Сартори Дж. 2003а. Искажение концептов в сравнительной политологии (I). — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 67-71. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.07>

Сартори Дж. 2003б. Искажение концептов в сравнительной политологии (II). — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 152-160. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.04.14>

Фисун А. 2007. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология. — *Отечественные записки*. №. 6. С. 8-28.

Bach D.C. 2011. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings. — *Commonwealth & Comparative Politics*. Vol. 49. No. 3. P. 275-294. <https://doi.org/10.1080/14662043.2011.582731>

Bavister-Gould A. 2011. Predatory Leaderships, Predatory Rule and Predatory States. — *Concept Brief*. No. 1. P. 1-9.

Bigo D. 1988. *Pouvoir et obéissance en Centrafrique*. Karthala Editions. 360 p.

Bourmaud D. 1991. L'Etat centrifuge au Kenya. — *Etats d'Afrique noire: Formations, mécanismes et crise*. Paris. Ed. Karthala, coll. “Hommes et sociétés”. P. 241-277.

Bratton M., Van de Walle N. 1997. *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective*. Cambridge, U.K.; New York, NY, USA: Cambridge University Press. 311 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174657>

Carothers T. 2002. The End of the Transition Paradigm. — *Journal of Democracy*. Vol. 13. No. 1. P. 5-21. <https://doi.org/10.1353/jod.2002.0003>

Crook R.C. 1989. Patrimonialism, Administrative Effectiveness and Economic Development in Coˆte d'Ivoire. — *African Affairs*. Vol. 88. No. 351. P. 205-228. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.afraf.a098161>

Crouch H. 1979. Patrimonialism and Military Rule in Indonesia. — *World Politics*. Vol. 31. No. 4. P. 571-587. <https://doi.org/10.2307/2009910>

Durazo Herrmann J. 2010. Neo-Patrimonialism and Subnational Authoritarianism in Mexico. The Case of Oaxaca. — *Journal of Politics in Latin America*. Vol. 2. No. 2. P. 85-112.

Eisenstadt S.N. 1973. *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. Beverly Hills, Calif.; London: Sage. 96 p.

Erdmann G., Engel U. 2007. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. — *Commonwealth & Comparative Politics*. Vol. 45. No. 1. P. 95-119. <http://dx.doi.org/10.1080/14662040601135813>

Ilyin M. 2015. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? — *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. Vol. 18. No. 1. P. 26-51.

Kang D.C. 2002. *Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines*. Cambridge University Press. 203 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606175>

Kelsall T., Booth D., Cammack D., Golooba-Mutebi F. 2010. *Developmental Patrimonialism? Questioning the Orthodoxy on Political Governance and Economic Progress in Africa*. *Africa Power and Politics*. Working Paper. № 9. 33 p

Little W.R. 1991. The Relative Autonomy of the Third World Politician: Soeharto and Indonesian Economic Development in Comparative Perspective. — *International Studies Quarterly*. Vol. 35. No. 4. P. 403-427. <https://doi.org/10.2307/2600948>

Linden R.H. 1986. Socialist Patrimonialism and the Global Economy: the Case of Romania. — *International Organization*. Vol. 40. No. 2. P. 347-380.

Mkandawire T. 2001. Thinking about Developmental States in Africa. — *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 25. No. 3. P. 289-314. <https://doi.org/10.1093/cje/25.3.289>

North D.C., Weingast B.R. 1989. Constitutions and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-century England. — *The Journal of Economic History*. Vol. 49. No. 4. P. 803-832. <https://doi.org/10.1017/S0022050700009451>

Owen J.D. 2009. *Neopatrimonialism and Regime Endurance in Transnistria*. Doctoral dissertation. Virginia Tech. 98 p.

Roett R. 1999. *Brazil: Politics in a Patrimonial Society*. Greenwood Publishing Group. 244 p.

Von Soest C. 2010. What Neopatrimonialism is — Six Questions to the Concept. — *GIGA-Workshop "Neopatrimonialism in various World Regions"*. Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies. 21 p.

Wedeman A. 1997. Looters, Rent-scrappers, and Dividend-collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines. — *The Journal of Developing Areas*. Vol. 31. No. 4. P. 457-478.

Young C., Turner T. 1985. *The Rise and Decline of the Zairian State*. Madison: University of Wisconsin Press. 522 p.

DOI: [10.17976/jpps/2018.02.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.06)

NEOPATRIMONIALISM: CLASSIFICATION AS A WAY OF OVERCOMING THE CONCEPTUAL STRETCHING

K.V. Melnikov¹

¹*Institute for Philosophy and Law (Ural Branch of Russian Academy of Science). Ekaterinburg, Russia*

MELNIKOV Kirill Vadimovich, postgraduate student, Institute for Philosophy and Law (Ural Branch of Russian Academy of Science). Email: melnikovrezh@gmail.com

Melnikov K.V. Neopatrimonialism: Classification as a Way of Overcoming the Conceptual Stretching. — *Polis. Political Studies*. 2018. No. 2. P. 68-81. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.06>

Received: 06.03.2017. Accepted: 14.06.2017

Abstract. The article summarizes the claims made for increasingly popular neopatrimonialism concept. Formed as a response to non-obviousness of basic assumptions and conceptual lengthiness of transit paradigm, neopatrimonialism concept itself became to generate significant conceptual stretching in the analysis of states, political development that contrasts with the Western democratic patterns. Regarded as neopatrimonial, African, Latin American, Southeast Asian, Central Asian and Eastern European states vary greatly according to the imposing volume of settings: on the principles of bureaucracy functioning, on the degree of political competition, on the role and the spread depth of the patron-client networks, nepotism and other informal practices. Therefore, speaking about neopatrimonialism, researchers focus each time on a different set of characteristics. An impressive body of empiric neopatrimonial researches sprained his conceptual framework to significant confusion. Following the theory of conceptual stretching by D. Sartori, one can say that in comparative neopatrimonial studies there is violation of rules on climbing the ladder of abstraction. Against the background of a large number of empirical studies carried out in line with the neopatrimonial paradigm, researches on understanding neopatrimonial concept *per se* constitute a negligible percentage and require development. The indiscriminate and uncritical application of neopatrimonial paradigm can be overcome through the more complete conceptualization of the neopatrimonialism concept. One of the main tasks in this way is the classification of neopatrimonial regimes. Author analyzes the existing approaches to such classifications and justifies the necessity of separation neopatrimonial regimes for regulated and predatory forms. The article analyzes the concepts emerging in the related fields of Political Studies, for their ability to enrich the proposed classification of neopatrimonial regimes. The idea of predatory neopatrimonial forms enriched by achievements of the “predatory state” phenomenon research. Neoinstitutional dilemma of the credible commitment of property rights could potentially be fruitful to study the regulated forms of neopatrimonialism. This approach to classification of neopatrimonial regimes offers significant prospects for further operationalization and conceptualization of neopatrimonialism.

Keywords: neopatrimonialism; patrimonial domination; predatory state; regulated neopatrimonialism; credible commitment of property rights; political regime; political institutes; conceptual stretching.

References

- Bach D.C. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings. – *Commonwealth & Comparative Politics*. 2011. Vol. 49. No. 3. P. 275-294. <https://doi.org/10.1080/14662043.2011.582731>
- Bavister-Gould A. Predatory Leaderships, Predatory Rule and Predatory States. – *Concept Brief*. 2011. No. 1. P. 1-9.
- Bigo D. *Pouvoir et obéissance en Centrafrique*. Karthala Editions. 1988. 360 p.
- Bourmaud D. L'Etat centrifuge au Kenya. – *Etats d'Afrique noire: Formations, mécanismes et crise*. Paris. Ed. Karthala, coll. “Hommes et sociétés”. 1991. P. 241-277.
- Bratton M., Van de Walle N. *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective*. Cambridge, U.K.; New York, NY, USA: Cambridge University Press. 1997. 311 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174657>
- Carothers T. The End of the Transition Paradigm. – *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. No. 1. P. 5-21. <https://doi.org/10.1353/jod.2002.0003>
- Crook R.C. Patrimonialism, Administrative Effectiveness and Economic Development in Côte d'Ivoire. – *African Affairs*. 1989. Vol. 88. No. 351. P. 205-228. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.afraf.a098161>
- Crouch H. Patrimonialism and Military Rule in Indonesia. – *World Politics*. 1979. Vol. 31. No. 4. P. 571-587. <https://doi.org/10.2307/2009910>
- Durazo Herrmann J. Neo-Patrimonialism and Subnational Authoritarianism in Mexico. The Case of Oaxaca. – *Journal of Politics in Latin America*. 2010. Vol. 2. No. 2. P. 85-112.
- Eisenstadt S.N. *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. Beverly Hills, Calif.; London: Sage. 1973. 96 p.
- Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. – *Commonwealth & Comparative Politics*. 2007. Vol. 45. No. 1. P. 95-119. <http://dx.doi.org/10.1080/14662040601135813>;
- Fisun A. Post-Soviet Neopatrimonial Regimes: the Genesis, Characteristics, Typology. – *Otechestvennyye zapiski*. 2006. №. 6. P. 8-28 (In Russ.)

Gelman V. *Modernizatsiya, instituty i "porochnyi krug" postsovetskogo neopatrimonializma* [Modernization, Institutions and the "Vicious Circle" of Post-Soviet Neopatrimonialism]. Saint Petersburg: EUSP Press. 2015. 44 p. (In Russ.).

Ilyin M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? – *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. 2015. Vol. 18. No. 1. P. 26-51.

Kang D.C. *Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines*. Cambridge University Press. 2002. 203 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606175>

Kelsall T., Booth D., Cammack D., Golooba-Mutebi F. *Developmental Patrimonialism? Questioning the Orthodoxy on Political Governance and Economic Progress in Africa. Africa Power and Politics*. Working Paper No. 9. 2010. 33 p;

Liddle W.R. The Relative Autonomy of the Third World Politician: Soeharto and Indonesian Economic Development in Comparative Perspective. – *International Studies Quarterly*. 1991. Vol. 35. No. 4. P. 403-427. <https://doi.org/10.2307/2600948>

Linden R.H. Socialist Patrimonialism and the Global Economy: the Case of Romania. – *International Organization*. 1986. Vol. 40. No. 2. P. 347-380.

Melnikov K. Evaluation of Transformation Approaches to the Definition of Neopatrimonialism. – *Management Issues*. 2016. №. 6. P. 13-22 (In Russ.)

Mkandawire T. Thinking about Developmental States in Africa. – *Cambridge Journal of Economics*. 2001. Vol. 25. No. 3. P. 289-314. <https://doi.org/10.1093/cje/25.3.289>

North D.C., Weingast B.R. Constitutions and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-century England. – *The Journal of Economic History*. 1989. Vol. 49. No. 4. P. 803-832. <https://doi.org/10.1017/S0022050700009451>

Owen J.D. *Neopatrimonialism and Regime Endurance in Transnistria*. Doctoral dissertation. Virginia Tech. 2009. 98 p.

Roett R. *Brazil: Politics in a Patrimonial Society*. Greenwood Publishing Group. 1999. 244 p.

Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics (I). – *Polis. Political Studies*. 2003. No. 3. P. 67-77. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.07>

Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics (II). – *Polis. Political Studies*. 2003. No. 4. P. 152-160 (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.04.14>

Volkov V. The Problem of Credible Commitment of Property Rights and the Russian Version of the Vertical Political Integration. – *Voprosy Ekonomiki*. 2011. No. 8. P. 4-27 (In Russ.)

Von Soest C. What Neopatrimonialism is – Six Questions to the Concept. – *GIGA-Workshop "Neopatrimonialism in various World Regions"*. Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies. 2010. 21 p.

Weber M. *Wirtschaft und gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. (Russ. ed.: Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii*. Moscow: HSE publ. 2016. Vol. 1. 445 p.)

Wedeman A. Looters, Rent-Scrapers, and Dividend-Collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines. – *The Journal of Developing Areas*. 1997. Vol. 31. No. 4. P. 457-478.

Young C., Turner T. *The Rise and Decline of the Zairian State*. Madison: University of Wisconsin Press. 1985. 522 p.